

Николай Бердяев

СУДЬБА РОССИИ

Оп. 1918 г.

IV. Психология войны и смысл войны

Мысли о природе войны

I

Не о нынешней войне хочу я говорить, а о всякой войне. Что являет собою война? Как философски осмыслить войну? При поверхностном взгляде война есть передвижение и столкновение материальных масс, физическое насилие, убийство, калечение, действие чудовищных механических орудий. Кажется, что война есть исключительное погружение в материю и не имеет никакого отношения к духу. Люди духа иногда с легкостью отворачиваются от войны, как от чего-то внешне-материального, как чуждого зла, насильственно навязанного, от которого можно и должно уйти в высшие сферы духовной жизни.

Иные отвергают войну с дуалистической точки зрения, по которой существует совершенно самостоятельная сфера материальная, внешнего, насильственного, отдельная и противоположная духовному, внутреннему и свободному. Но все материальное есть лишь символ и знак духовной действительности, все внешнее есть лишь манифестация внутреннего, все принуждающее и насилующее есть ложно направленная свобода. Внутренно осмыслить войну можно лишь с монистической, а не дуалистической точки зрения, т. е. увидав в ней символику того, что происходит в духовной действительности. Можно сказать, что война происходит в небесах, в иных планах бытия, в глубинах духа, а на плоскости материальной видны лишь внешние знаки того, что совершается в глубине. Физическое насилие, завершающееся убийством, не есть что-то само по себе существующее, как самостоятельная реальность, - оно есть знак духовного насилия, совершившегося в духовной действительности зла. Природа войны, как материального насилия, чисто рефлексивная, знаковая, симптоматическая, не самостоятельная. Война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни. Природа войны - символическая. Такова природа всякого материального насилия, - оно всегда вторично, а не первично. Известное состояние духовной действительности, в котором пребывает человечество, неизбежно должно пользоваться материальными знаками, как орудиями, без которых

не может реализовать себя духовная жизнь. Для выражения своей духовной жизни человек должен двигать руками, ногами, языком, т. е. прибегать к материальным знакам, без которых нельзя выразить любви или ненависти, нельзя осуществить волевых стремлений. И война есть сложный комплекс материального передвижения ног и рук, разных орудий, приводимых в движение человеческой волей. Принципиально допустима возможность духовной жизни без материальных знаков и орудий, но это предполагает иной уровень духовной действительности, которого не достигло сейчас человечество и мир.

Бывают болезни, которые сопровождаются сыпью на лице. Сыпь эта есть лишь знак внутренней болезни. Внешнее устранение сыпи лишь вгоняет болезнь внутрь. От этого болезнь может даже ухудшиться. Нужно саму внутреннюю болезнь лечить. Зло войны есть знак внутренней болезни человечества. Материальные насилия и ужасы войны лишь сыпь на теле человечества, от которой нельзя избавиться внешне и механически. Все мы виновны в той болезни человечества, которая высыпает войной. Когда вскрывается гнойный нарыв, то нельзя видеть зла в самом вскрытии нарыва. Иногда это вскрытие нужно сделать насильственно для спасения жизни.

В глубине духовной действительности давно уже началась мировая война, мировая вражда, ненависть и взаимоистребление. И та война, которая началась в конце июля 1914 года, есть лишь материальный знак совершающейся в глубине духовной войны и тяжелого духовного недуга человечества. В этом духовном недуге и духовной войне есть круговая порука всех, и никто не в силах отклонить от себя последствия внутреннего зла, внутреннего убийства, в котором все мы жили. Война не создала зла, она лишь выявила зло. Все современное человечество жило ненавистью и враждой. Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностным покровом мирной буржуазной жизни, и ложь этого буржуазного мира, который многим казался вечным, должна была быть разоблачена. Истребление человеческой жизни, совершаемое в мирной буржуазной жизни, не менее страшно, чем то, что совершается на войне.

II

В Евангелии сказано, что нужно больше бояться убивающих душу, чем убивающих тело. Физическая смерть не менее страшна, чем смерть духовная. А до войны, в мирной жизни убивались души человеческие, угашался дух человеческий, и так привычно это было, что перестали даже замечать ужас этого убийства. На войне разрушают физическую оболочку человека, ядро же человека, душа его может остаться не только не разрушенной, но может даже возродиться. Очень характерно, что более всех бояться войны и убийства на войне - позитивисты, для которых самое главное, чтобы человеку жилось хорошо на земле, и для которых жизнь исчерпывается эмпирической данностью. Тех, кто верит в бесконечную

духовную жизнь и в ценности, превышающие все земные блага, ужасы войны, физическая смерть не так страшат. Этим объясняется то, что принципиальные пацифисты встречаются чаще среди гуманистов-позитивистов, чем среди христиан. Религиозный взгляд на жизнь глубже видит трагедию смерти, чем взгляд позитивно-поверхностный. Война есть страшное зло и глубокая трагедия, но зло и трагедия не во внешне взятом факте физического насилия и истребления, а гораздо глубже. И на глубине этой зло и трагедия всегда даны уже до войны и до ее насилий.

Война лишь проявляет зло, она выбрасывает его наружу. Внешний фактор физического насилия и физического убийства нельзя рассматривать, как самостоятельное зло, как источник зла. Глубже лежат духовное насилие и духовное убийство. А способы духовного насилия очень тонки и с трудом уловимы. Иные душевные движения и токи, иные слова, иные чувства и действия, не имеющие признаков физического насилия, более убийственны и смертоносны, чем грубое физическое насилие и разрушение.

Ответственность человека должна быть расширена и углублена. И, поистине, человек чаще бывает насильником и убийцей, чем он сам это подозревает и чем подозревают это о нем. Нельзя лишь в войне видеть насилие и убийство. Вся наша мирная жизнь покоится на насилии и убийстве. И до начала нынешней мировой войны мы насильствовали и убивали в самой глубине жизни не меньше, чем во время войны. Война лишь выявила и проецировала на материальном плане наши старые насилия и убийства, нашу ненависть и вражду. В глубинах жизни есть темный, иррациональный источник. Из него рождаются глубочайшие трагические противоречия. И человечество, не просветившее в себе божественным светом этой темной древней стихии, неизбежно проходит через крестный ужас и смерть войны. В войне есть имманентное искупление древней вины. Не дано человечеству, оставаясь в старом зле и древней тьме, избежать имманентных последствий в форме ужасов войны. В отвлеченных пожеланиях пацифизма избежать войны, оставляя человечество в прежнем состоянии, есть что-то дурное. Это - желание сбросить с себя ответственность. Война есть имманентная кара и имманентное искупление. В войне ненависть переплавляется в любовь, а любовь в ненависть. В войне соприкасаются предельные крайности и дьявольская тьма переплетается с божественным светом. Война есть материальное выявление исконных противоречий бытия, обнаружение иррациональности жизни. Пацифизм есть рационалистическое отрицание иррационально-темного в жизни. И невозможно верить в вечный рациональный мир. Недаром Апокалипсис пророчествует о войнах. И не предвидит христианства мирного и безболезненного окончания мировой истории. Внизу отражается то же, что и наверху, на земле то же, что и на небе. А вверху, на небе, ангелы Божьи борются с ангелами сатаны. Во всех сферах космоса бушует огненная и яростная стихия и ведется война. И на землю Христос принес не мир, но меч. В этом глубокая антиномия христианства: христианство не может отвечать на зло злом, противиться злу насилием, и христианство есть

война, разделение мира, изживание до конца искупления креста в тьме и зле.

Христианство есть сплошное противоречие. И христианское отношение к войне роковым образом противоречиво. Христианская война невозможна, как невозможно христианское государство, христианское насилие и убийство. Но весь ужас жизни изживается христианством, как крест и искупление вины. Война есть вина, но она также есть и искупление вины. В ней несправедная, грешная, злая жизнь возносится на крест.

III

Мы все виноваты в войне, все ответственны за нее и не можем уйти от круговой поруки. Зло, живущее в каждом из нас, выявляется в войне, и ни для кого из нас война не есть что-то внешнее, от чего можно отвернуться. Необходимо взять на себя ответственность до конца. И мы постоянно ошибаемся, думая, что снимаем с себя ответственность или не принимаем ее вовсе. Нельзя грубо внешне понимать участие в войне и ответственность за нее. Мы все так или иначе участвуем в войне. Уже тем, что я принимаю государство, принимаю национальность, чувствую всенародную круговую поруку, хочу победы русским, я - участвую в войне и несу за нее ответственность. Когда я желаю победы русской армии, я духовно убиваю и беру на себя ответственность за убийство, принимаю вину. Низко было бы возложить на других убийство, которое нужно и мне, и делать вид перед самим собой, что в этом убийстве я не участвую. Те, которые едят мясо, участвуют в убийстве животных и обязаны сознавать ответственность за это убийство. Лицемерно делать вид, что мы сами никогда не насилуем и не убиваем и не способны насиловать и убивать, что другие несут за это ответственность. Каждый из нас пользуется полицией, нуждается в ней, и лицемерно делать вид, что полиция не для меня. Всякий искренно желающий вытеснить немцев из пределов России духовно убивает не менее, чем солдаты, которые идут в штыковую атаку. Убийство - не физическое, а нравственное явление, и оно прежде всего совершается духовно. Стреляющий и колющий солдат менее ответственен за убийство, чем тот, в ком есть руководящая воля к победе над врагом, непосредственно не наносящая физического удара. Нравственно предосудительно желать быть вполне чистым и свободным от вины насилия и убийства, и в то же время желать для себя, для своих близких, для своей родины того, что покупается насилием и убийством. Есть искупление в самом принятии на себя вины. Виновность бывает нравственно выше чистоты. Это - нравственный парадокс, который следует глубоко продумать. Исключительное стремление к собственной чистоте, к охранению своих белых одежд не есть высшее нравственное состояние. Нравственно выше - возложить на себя ответственность за ближних, приняв общую вину. Я думаю, что в основе всей культуры лежит та же вина, что и в основе войны, ибо вся она в насилии рождается и развивается. Но зло, творимое культурой, как и зло, творимое войной, - вторично, а не

первично, оно - ответ на зло изначальное, на тьму, обнимающую первооснову жизни.

IV

К войне невозможно подходить доктринерски-рационалистически. Доктринерский абсолютизм в оценке жизни всегда безжизнен, насильствен, всегда есть фарисейское превозношение субботы над человеком. Но человек выше субботы и суббота не должна быть абсолютным принципом жизни. Возможна и желанна лишь жизненно-пластическая мораль, для которой все в мире есть индивидуально творческая задача. К сфере относительного не применимо абсолютное. В исторически-телесном мире нет ничего абсолютного. Возможна абсолютная жизнь, но невозможно применить абсолютное к жизни относительной. Абсолютная жизнь есть жизнь в любви. В абсолютной жизни не может быть войны, насилия и убийства. Убийство, насилие, война есть знак жизни относительной, исторически-телесной, не божественной. В историческом теле, в материальной ограниченности невозможна абсолютная божественная жизнь. Мы живем в насилии, поскольку живем в физическом теле. Законы материального мира - законы насилия. Абсолютное отрицание насилия и войны возможно лишь как явление глубоко индивидуальное, а не как норма и закон. Это предполагает одухотворение, побеждающее "мир", и его родовой закон, просветление тела человеческого нездешним светом. Но к жизни в материи этого мира нельзя применить абсолютного, как закон и норму. Евангелие не есть закон жизни. Абсолютное не применяется, а достигается. Абсолютная жизнь есть благодатная жизнь, а не жизнь, исполняющая закон и норму. Законническое применение абсолютного к относительному и есть субботничество, заклеянное Христом.

Абсолютная истина о непротивлении злу насилием не есть закон жизни в этом хаотическом и темном мире, погруженном в материальную относительность, внутренне проникнутом разделением и враждой. Пусть этот мир перейдет к абсолютной жизни в любви. Желать можно только этого и только к этому можно стремиться. Совершается это таинственно и незримо, как незримо приходит Царство Божие. Но не имеет никакого внутреннего смысла желать внешнего мира и отрицать всякое внешнее насилие, оставляя внутренне мир в прежнем хаосе, тьме, злобе и вражде. Это ничего не значит. Навязывание абсолютного закона относительной жизни есть доктринерство, лишенное всякого внутреннего смысла. Желать можно лишь внутреннего здоровья, а не внешнего обличья здоровья при внутренней болезни. Нельзя достаточно сильно подчеркивать, что абсолютная Христова любовь есть новая благодатная жизнь духа, а не закон для относительной материальной жизни. Вот почему бесконечно сложна проблема отношения христианства к войне.

Войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношение к войне может быть лишь антиномическое. Это - изживание внутренней тьмы мировой жизни, внутреннего зла, принятие вины и искупления. Благодушное, оптимистическое, исключительно радостное отношение к войне - не допустимо и безнравственно. Мы войну и принимаем и отвергаем. Мы принимаем войну во имя ее отвержения. Militarизм и пассивизм - одинаковая ложь. И там, и здесь - внешнее отношение к жизни. Принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни. И если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме.